

пытка Тредиаковского, решившегося опереться на фольклор в своих теоретических разысканиях о русском стихе, вызвала осуждение со стороны представителей дворянской культуры того времени. Тенденция выдвинуть идею национального характера поэзии привела Тредиаковского и к отрицанию использования в русских стихах чуждой христианскому народу языческой мифологии. В статье о Сумарокове он нападает на него за введение в текст столь ответственного в идейном смысле произведения, как торжественная ода, имени Нептуна: «... мне в сочинениях толикия важности не любы ни Нимфы, ни Нептуны, ни другие подобные сумасбродные тени, ибо можно без всех сих пустошей обойтись... Однако в игрушках или в некотором баснословном совсем сочинении я не порочу сих Нимф, Нептунов, Беллон, Юнон и Аполлонов, ведая, что они несколько оживляют пустую или неважную или всеконечно по всему баснословного рода материю». Впрочем, раньше, в трактате 1735 г., Тредиаковский оправдывал введение Аполлона в свою эпистолу к нему вполне классическим использованием мифологии в аллегорическом или метонимическом плане: «... чрез Аполлина должно здесь разуметь желание сердечное, которое я имею, чтобы и в России развелась наука стихотворная, чрез которую многие народы пришли в высокую славу». То же говорится и о Купидоне в элегии, помещенной в трактате: «Слово Купидин... не долженствует к соблазну дать причины жестокия добродетели христианину, понеже оно тут не за поганского Венерина выдуманного сына приемлется, но за пристрастие сердечное, которое в законной любви и за великую свою горячесть хулимо быть никогда нигде еще не заслужило».

3

Говоря о стремлении Тредиаковского подойти к идеям национальной характеристики русской поэзии, не следует преувеличивать его; перед нами — только первые проблески, еще далекие от идей романтиков конца XVIII и особенно начала XIX в. Тредиаковский мыслит самобытность еще в пределах общечеловеческих для него норм классицизма, мыслит вне категорий местного колорита, и это существенно сужает возможности реализации его устремлений, это делает его позицию внутренне противоречивой.

Тредиаковский мечтал об обществе граждан, творящих высокую государственную, философскую, учительную поэзию, и, — подобно почти всем лучшим мыслителям XVIII в., — помещал свою мечту не в будущем, а в прошлом, в древней эпохе молодости человечества, утопически противопоставленной им изнеженному разврату дворянской современности. Этой теме он посвятил небольшую, но важную статью «Письмо к приятелю о нынешней пользе гражданству от поэзии». В начале он говорит о прекрасной древности: «Важная их (стихов и поэзии, — Г. Г.) должность